

ВНЕШНЯЯ УГРОЗА КАК ДВИЖУЩАЯ СИЛА ОСВОЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ТИХООКЕАНСКОЙ РОССИИ

Виктор Ларин

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР
КАРНЕГИ

ВНЕШНЯЯ УГРОЗА КАК ДВИЖУЩАЯ СИЛА ОСВОЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ТИХООКЕАНСКОЙ РОССИИ

Виктор Ларин

Данный выпуск «Рабочих материалов» подготовлен некоммерческой неправительственной исследовательской организацией — Московским Центром Карнеги при поддержке благотворительного фонда Carnegie Corporation of New York и Open Society Foundation, а также при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант РГНФ № 12-01-00154а «Российско-китайское трансграничное пространство в начале XXI в.: политические, социально-экономические и этнокультурные аспекты взаимодействия»).

Фонд Карнеги за Международный Мир и Московский Центр Карнеги как организация не выступают с общей позицией по общественно-политическим вопросам. В публикации отражены личные взгляды автора, которые не должны рассматриваться как точка зрения Фонда Карнеги за Международный Мир или Московского Центра Карнеги.

Никакая часть данной публикации не подлежит использованию кем-либо в какой бы то ни было форме, в том числе воспроизведению, распространению, переработке иначе как с письменного разрешения Московского Центра Карнеги или Фонда Карнеги за Международный Мир. Запросы, пожалуйста, направляйте в Московский Центр Карнеги.

Россия, 125009, Москва
Тверская ул., 16/2
Тел.: +7 (495) 935 8904
Факс: +7 (495) 935 8906
info@Carnegie.ru

Эта публикация может быть бесплатно загружена с сайта
<http://www.carnegie.ru>.

© Carnegie Endowment for International Peace, 2013

Содержание

Краткое содержание	1
Введение	3
Историческая динамика	4
Эволюция угроз: восприятие, идентификация и средства борьбы	15
Заключение	18
Примечания	21
Об авторе	27
Московский Центр Карнеги	29

Краткое содержание

С середины XIX в. политика России на Тихом океане концентрировалась на решении двух взаимосвязанных задач: завоевания и удержания статуса тихоокеанской державы и обеспечения сохранности своих восточных владений. Поскольку угрозы отторжения этих владений, шедшие извне, не были постоянными, а интересы Петербурга/Москвы в их отношении не выходили за пределы восприятия их как сырьевого ресурса, буферной зоны и плацдарма для дальнейшей экспансии на восток, то политика по их защите и освоению носила циклический характер и не трансформировалась в целенаправленную стратегию их развития. Нынешняя активизация восточной политики Кремля впервые в истории имеет мощные экономические мотивы и обусловлена стремлением укрепить позиции России в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) посредством расширения ее экономического присутствия.

Ключевые темы

- Специфические природно-климатические и геополитические условия, отдаленность Дальнего Востока от центра страны и периодически возникавшие угрозы безопасности региона обусловили преобладание в отношении к нему со стороны государства неэкономических мотивов. Активные действия предпринимались тогда, когда активность других держав на границах региона воспринималась центральными властями как угроза его отторжения от России.
- Основными способами укрепления позиций России на Дальнем Востоке являлись заселение его русскими, укрепление приграничной с Китаем полосы, создание военно-транспортной инфраструктуры, военной и экспортно-ориентированных отраслей добывающей промышленности.
- В нынешней восточной политике Дальнему Востоку отведена роль транзитного коридора, источника сырья и географического плацдарма для продвижения в АТР, а тезисы об угрозах его безопасности используются Кремлем как традиционное средство формирования в обществе убежденности в необходимости переориентации части ресурсов государства на восток. В то же время существует опасность, что исчезновение «угрозы с Восто-

ка» приведет к очередному свертыванию восточной политики государства.

Рекомендации

России крайне необходимы как стратегия ее присутствия в Азиатско-Тихоокеанском регионе, соответствующая реалиям региона и возможностям страны, так и долговременная стратегия развития ее восточных районов, сформулированная не как реакция на внешние угрозы, а как адекватный ответ на объективные внутренние и внешние вызовы.

Превращение Дальнего Востока в реальную платформу для экономической интеграции России в АТР возможно только при условии принципиального изменения отношения Центра к региону и восприятию его как полноценной части евразийского экономического и политического пространства.

Введение

Нынешний «восточный поворот» Кремля и его акцентированное внимание к судьбе российского Дальнего Востока ставит серию закономерных вопросов о сущности, содержании и потенциальных результатах этого явления. Главный вопрос: есть ли основания говорить о принципиально новой стратегии России на Тихом океане¹ или же самой России и миру предложена модификация прежней имперской политики, с проявлениями которой знакомы все, кто хоть немного занимался историей международных отношений в Восточной Азии и российского Дальнего Востока последних полутора веков? Насколько этот курс учитывает прошлый опыт, надолго ли он сохранится и каких последствий «поворота» следует ожидать?

Ответы во многом зависят от оценки причин и мотивов трогательной заботы Центра об окраине государства, население которой вдвое меньше того, что проживает в столице. Власти и эксперты трактуют их по-разному. Одни объясняют их намерением Кремля обеспечить «экономическое возрождение России, в рамках которого Москва и нефть и газ из Западной Сибири, поставляемые в Европу, будут не единственным локомотивом роста»² и «закрепить за Россией достойное место в формирующейся региональной экономической архитектуре»³. Другие верят в благие намерения Москвы использовать возможности Азиатско-Тихоокеанского региона для экономического подъема Сибири и Дальнего Востока⁴. Третьи уверены, что нынешнее внимание Кремля к Азии является «проявлением традиционного российского экспансионизма и великодержавия»⁵ и обусловлено намерением России «упрочить статус великой евроазиатской державы»⁶. А по мнению некоторых скептиков, «восточный поворот России» — это чистый блеф, и в реальности «российские политические деятели стремятся не “идти на Восток”, а скорее изменить представление о том, что называть Западом»⁷, ищут не своего места под солнцем, а всего лишь «автономии в пределах западного мира»⁸. Мне кажется, даже краткий экскурс в историю, анализ причин периодического возрождения интереса Центра к восточным окраинам страны, а также средств и способов, которыми правительство пыталось решить озадачившие его проблемы, поможет приблизиться к пониманию сути нынешнего поворота и спрогнозировать его будущее.

Последнее (но далеко не первое) решение об ускоренном развитии Дальнего Востока было принято Советом безопасности России 20 декабря 2006 г. Его предваряла оценка ситуации в регионе как критической и угрожающей национальным интересам государства. Обращаясь к членам совета, В. Путин сформулировал тезис о том, что «убыль населения, глубокие диспропорции в структуре производства и внешнеэкономических связей» региона, неэффективное использование его естественных конкурентных преимуществ представляют «серьезную угрозу для наших политических и экономических позиций в Азиатско-Тихоокеанском регионе, для национальной безопасности... России в целом»⁹. Знакомый посыл. Даже предварительный взгляд на историю показывает, что одним из главных факторов (если не главным), в прежние времена заставлявших Центр вплотную заниматься восточными окраинами страны, была угроза их утраты, шедшая извне. Об этой угрозе в разных ее проявлениях и пойдет речь ниже.

Историческая динамика

В сибирско-дальневосточной эпопее России, история которой отсчитывается с конца XV в., четко прослеживаются два крупных этапа. Первый, социально-экономический, приходится на начало XVI — первую половину XIX в. В эти годы шло преимущественно стихийное освоение Сибири и лишь в небольшой степени — Дальнего Востока. На восток Россию двигали тогда два фактора: материальный интерес казны (сибирская пушнина и доходы от караванной торговли с Китаем), с одной стороны, и энергия «охочих» людей, вольно-народная колонизация — с другой. Серьезным сдерживающим фактором стали климат, расстояния и противодействие со стороны Пекина.

Второй этап этой политики, имперский, военно-стратегический, приходится на вторую половину XIX — XX в. Подписав серию договоров с Китаем и Японией¹⁰ и овладев тихоокеанским побережьем Северо-Восточной Азии, Россия предъявила себя миру как тихоокеанскую и глобальную державу. Характер этого этапа определялся стратегическими интересами Петербурга, а затем Москвы, их стремлением расширить «свой периметр безопасности»¹¹, укрепить позиции и влияние в Азии и защитить завоевания России в этом районе мира.

Если на предшествовавшем этапе Восточная Азия являлась захолустьем с точки зрения европейских политиков, то с 40-х годов XIX в. ведущие европейские государства и США обозначили ее как сферу своих первостепенных интересов, шаг за шагом силой

«открывая» для Запада стагнировавшие азиатские государства. Закономерно, что с середины XIX в. российские владения на Тихом океане оказались в фокусе внимания и интересов крупных держав, в первую очередь Великобритании. Именно тогда перед Петербургом в полный рост встала двуединая проблема, над решением которой российское государство бьется уже полтора столетия: *поддержание статуса тихоокеанской державы и обеспечение безопасности восточных окраин.*

Попытки решать эту проблему предпринимались с тех пор неоднократно, однако не систематически и планомерно, а время от времени, спорадически, раз в 25—30 лет. В каждом из таких случаев причиной повышенного внимания Центра к региону было обострение военно-политической обстановки на востоке России, а толчком (импульсом), заставлявшим Центр погрузиться в восточноазиатские и дальневосточные реалии, были одно или комплекс событий, воспринимавшихся в российской столице как угроза российским владениям на Тихом океане. Каждому из этих этапов предшествовал разный по продолжительности период формулирования, осознания и трансляции угроз, ибо требовалось определенное время, чтобы накопившиеся свидетельства их существования доходили до руководства страны и подвигали его на конкретные действия¹².

Каждый раз запада Центра хватало на 8—10 лет. В течение этого времени опасность отступала или ослабевала до некритической величины, после чего интерес столичной бюрократии к региону угасал, правительство переключало свой взор на запад или юг страны, а Дальний Восток переходил в стадию инерционного развития. Сил, средств, времени и желания на планомерное освоение этой огромной территории государству никогда не хватало. Парадокс истории также заключался в том, что каждый цикл существовал словно бы впервые, а опыт прежних попыток и уроки, полученные предшественниками, оказывались забытыми и практически не востребованными.

Очень скоро после включения северо-восточной окраины Евразии в состав русского государства стало очевидно, что эта территория имеет минимальный ресурс (природно-климатический, политический, демографический, финансовый) для саморазвития. Тренды ее движения в огромной степени зависели от (1) имперских интересов Центра, (2) идеологических воззрений руководства страны, (3) политики государства и лишь в малой степени — от потребностей, возможностей, энергии и деятельности населявших ее людей. Эти три фактора не являлись постоянными величинами, менялись под воздействием внутренней ситуации в стране и международной обстановки, но именно они обусловили цикличность дальневосточной

политики российского государства, уже отмеченную историками¹³ и экономистами¹⁴.

При этом восточное побережье России всегда играло важную роль в ее тихоокеанской политике. Одним из главных факторов, всегда определявших восточную политику Петербурга/Москвы и, соответственно, судьбу Тихоокеанской России, была идея державности или, говоря современным языком, стремление российской политической элиты владеть огромной территорией, выступавшей для нее «в качестве главного показателя влияния в международных делах»¹⁵. Эта территория воспринималась не только как восточный рубеж, граница, фронтир России, но одновременно как потенциальный плацдарм для дальнейшей экспансии на Восток.

Идея державности заставляла Центр постоянно держать в уме обстановку на восточной окраине государства, время от времени публично декларировать важность этих территорий для России, как и необходимость укрепления тихоокеанского вектора ее внешней политики и развития Дальнего Востока. Однако от подобных политических деклараций и теоретических обоснований, пусть даже зафиксированных в документах самого высокого уровня, до конкретных действий пролегла огромная дистанция. Уже за само пребывание этой территории в составе России, за обеспечение ее безопасности государство должно платить, и платить немало. Ее освоение и развитие требовали еще больших средств, которых всегда не хватало. Поэтому активные действия в отношении региона осуществлялись только тогда, когда угрозы признавались на самом высоком уровне, после чего принимались специальные политические решения, становилось приоритетным его финансирование, реализовывался комплекс экономических, военно-оборонительных и социально-демографических мер. Целью и сутью этих действий было укрепление позиций России на дальневосточных берегах и снятие реально существовавших или потенциальных угроз ее безопасности.

Оставляя за скобками период до середины XIX в., обратимся к военно-стратегическому этапу колонизации Россией Дальнего Востока. Отталкиваясь от определения импульсов, стимулировавших интерес Центра к региону, начнем с идентификации периодов активных действий Петербурга/Москвы в этом регионе. Таких периодов выявляется четыре: 1854—1861 гг., 1896—1903 гг., 1931—1939 гг., 1966—1975 гг. Причем первые два — это явно выраженные попытки обеспечить безопасность восточных границ России посредством их расширения, а два последующих характеризуются стремлением развить и упрочить собственные территории.

Борьба за Амур

Значение реки Амур «как наиболее удобной дороги в Тихий океан» русское правительство осознало к середине 20-х годов XVIII в. Однако реальный интерес Петербурга к Приамурью возник только в конце 40-х годов XIX в. и был напрямую вызван активностью европейских держав в Восточной Азии. Причинами стали не только итоги первой «опиумной войны» Англии и Франции с Китаем. Серьезную озабоченность Петербурга вызвали планы англичан заняться колонизацией Амура. Более того, возникли большие опасения, что Россия вообще может потерять Сибирь.

Именно к этой мысли подводил царский двор генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев, вступивший в должность в феврале 1848 г. В одной из первых докладных записок Николаю I он заострил внимание императора на угрозе потери этого региона Россией: «Не раз случалось мне слышать в Петербурге опасение, что Сибирь рано или поздно может отложиться от России... Государь, я убедился, что опасение это весьма естественно и от таких причин, которые совершенно чужды соображениям столичным»¹⁶. Генерал-губернатор обозначил главный источник угрозы: деятельность англичан на Амуре, которые «под видом бесхитростных туристов или невинных ревнителей науки разведывают все, что нужно знать Английскому правительству»¹⁷.

Крымская война и угроза русским владениям на Камчатке и побережье Охотского моря заставили Россию предпринять конкретные действия на Востоке. В 1854—1856 гг. Муравьев трижды перебрасывал по Амуру подкрепление, оружие, снаряжение на Камчатку, что позволило отразить нападения англо-французской эскадры на русские владения на Тихом океане (Петропавловск). После поражения России в Крымской войне в русском правительстве выделилась влиятельная группировка (канцлер князь А. М. Горчаков, великий князь Константин Николаевич), выступавшая за незамедлительное проведение мер по укреплению позиций России на Дальнем Востоке¹⁸, а планы американцев, как до этого англичан, по колонизации Приамурья¹⁹ еще более укрепили решимость Петербурга овладеть Амуром. Итогом стало подписание Айгуньского (1858 г.) и Пекинского (1860 г.) договоров с Китаем, закрепивших за Россией территорию Приамурья.

Однако на этом продвижение России на восток фактически закончилось. Внимание царского двора переключилось на внутренние проблемы, а во внешней политике — на Европу, Ближний Восток и Центральную Азию. С уходом с поста генерал-губернатора Вос-

---

Реальный интерес Петербурга к Приамурью возник только в конце 40-х годов XIX в. и был напрямую вызван активностью европейских держав в Восточной Азии.

точной Сибири Н. Н. Муравьева в 1861 г. Дальний Восток лишился активного и влиятельного лоббиста своих интересов в Центре. В 1867 г. Россия продала США свои североамериканские владения. На четверть века Дальний Восток оказался в тени внешней и внутренней политики России.

Маньчжурская сага

Особенность и трагедия второго периода активности России на Востоке заключались, с одной стороны, в длительной неготовности и неспособности царского двора идентифицировать истинного врага, с другой — в неудачном выборе способа борьбы с угрозами интересам России, с третьей — в выносе основной сферы активности за периметр российской границы. Закономерно, что сценарий событий отличался от предыдущего хотя бы потому, что развитию собственно российского Дальнего Востока не уделялось в этот период много внимания.

Новый этап активной политики России на Дальнем Востоке был вызван итогами японо-китайской войны 1894—1895 гг., в результате которой Япония превратилась в доминирующую силу в Северо-Восточной Азии.

К концу XIX столетия российская дипломатия не видела серьезной опасности ни со стороны дремлющего Китая, ни в лице быстро набиравшей вес Японии. Даже предполагая возможность войны, российские дипломаты и военные были абсолютно уверены в победе русского оружия. «Несомненно, что в случае войны (с Японией. — *В. Л.*) мы выйдем победителями», — писал за два месяца до ее начала военный министр А. Н. Куропаткин²⁰. Куда в большей степени Петербург опасался происков Англии и усиления позиций США в Китае. Обострение отношений с Китаем в 1880 г. (из-за Илийского

края), в котором не последнюю скрипку сыграла британская дипломатия, и активность Англии и США вблизи российской границы на Корейском полуострове усилили эти подозрения. Угроза конфликта с Англией и очевидная неукрепленность дальневосточных границ России, невозможность быстрого пополнения и бесперебойного снабжения армии заставили царский двор обратиться к идее строительства Сибирской железной дороги²¹, торжественная закладка которой состоялась в мае 1891 г. во Владивостоке. Однако неверная оценка царским правительством собственных возможностей и источников угроз привела к ошибочному выбору средств борьбы с ними. Ставка, как и в середине XIX в., была сделана на территориальную экспансию, дальнейшее расширение границ России, а не на освоение и укрепление имеющихся владений и ресурсов на востоке.

Новый этап активной политики России на Дальнем Востоке был вызван итогами японо-китайской войны 1894—1895 гг., в результате

которой Япония превратилась в доминирующую силу в Северо-Восточной Азии. Главные усилия и средства царский двор направил на участие в разделе Китая, строительство железных дорог в Маньчжурии: Китайско-Восточной (КВЖД) и Южно-Манчжурской (МЖД), а также обустройство взятых в 1898 г. в аренду у Китая Порт-Артура и Дальнего как нового плацдарма российской экспансии в Восточной Азии. При этом, однако, главную угрозу своим планам отцы дальневосточной политики России по-прежнему продолжали видеть не в Японии, а в Англии. Как утверждал С. Ю. Витте, решение о занятии Порт-Артура и Дальнего император принял после того, как министр иностранных дел России граф М. Н. Муравьев сообщил ему, что «если мы не захватим эти порты, то их захватят англичане»²². Горячие головы при дворе предлагали также планы аннексии Кореи и Маньчжурии.

Переноса оборонительные рубежи России за пределы собственно российской территории, царское правительство проиграло. Только поражение в русско-японской войне 1904—1905 гг. заставило Петербург отказаться от этой стратегии и заняться укреплением обороноспособности Приамурья. Основной акцент в обеспечении безопасности региона был сделан на заселении его русскими. Были приняты некоторые меры по усилению крестьянской колонизации региона, интенсифицировано строительство Амурской железной дороги, стимулирован приток российских рабочих, предприняты усилия по развитию сельского хозяйства, торговли и промышленности.

Тем не менее, хотя за 1909—1914 гг. государственные расходы на Дальний Восток удвоились (с 55 до 105 млн руб. в год²³), но особо интенсивным этот период истории Тихоокеанской России назвать трудно. Слишком большие силы и эмоции были потрачены на проекты за пределами российской территории, Маньчжурия и КВЖД, а не российский Дальний Восток, продолжали притягивать и силы, и капиталы²⁴. С другой стороны, распространившиеся после поражения в войне с Японией в столичных кругах представления, что России вообще придется уйти с берегов Тихого океана²⁵, не добавляли энтузиазма.

Японский вызов: 1931—1939 гг.

Если первая фаза активности России на Тихом океане была спровоцирована Англией, а вторая — Англией, США и Японией, то третья — политикой японского милитаризма в Китае. Начало прямой японской агрессии в Маньчжурии (сентябрь 1931 г.) заставило Кремль предпринять срочные меры по укреплению советского Дальнего Востока. Осенью этого года Комитет обороны при Совете народных комиссаров СССР принял решение об усилении обороны

Дальнего Востока²⁶, в декабре была создана специальная комиссия для разработки мероприятий по ослаблению военной опасности в этом регионе. В апреле 1932 г. были созданы Морские силы Дальнего Востока, в 1933 г. принято постановление «О мероприятиях первой очереди по усилению Особой Краснознаменной Дальневосточной армии (ОКДВА)», в котором предусматривалось строительство укрепрайонов, аэродромов, бензохранилищ, стратегических дорог, складов, объектов ПВО.

Активнейшим образом создавалась промышленность военного назначения. Удельный вес инвестиций в экономику Дальнего Востока в общем объеме капиталовложений в народное хозяйство СССР ежегодно возрастал. Уже в 1932 г. расходы на капитальное строительство в крае превысили уровень 1928 г. в 5 раз, в 1937 г. — в 22,5 раза²⁷. Ресурсы направлялись прежде всего на создание военной инфраструктуры и военной промышленности. 13 апреля 1932 г. Совет народных комиссаров принял решение о возведении «объекта особой важности» — Байкало-Амурской магистрали. При этом Сталин открыто обосновывал активное строительство на Дальнем Востоке растущей угрозой со стороны Японии²⁸.

Важным средством обеспечения обороноспособности региона в этот период стало увеличение численности и переформирование структуры его населения. Миграционная политика советского государства имела прежде всего геополитическое значение, была нацелена на обеспечение безопасности восточной границы СССР посредством формирования на ней благонадежного, мобильного и готового к решению соответствующих задач человеческого ресурса. Сначала выдавливание, а в 1937—1938 гг. депортация китайцев и корейцев, выселение «неблагонадежных элементов», комсомольские призывы и оргнаборы привели к заметному увеличению численности населения Дальнего Востока (например, в Хабаровском крае оно увеличилось с 1933 по 1939 гг. на 87,1%), преобладанию в нем славянского элемента, мужчин (72 женщины на 100 мужчин) и лиц трудоспособного возраста (41% населения — в возрасте от 20 до 34 лет). Край, где еще в конце 1920-х годов преобладали крестьяне-единоличники, превратился в территорию наемных работников и колхозников²⁹.

Начавшаяся в Европе в 1939 г. Вторая мировая война вновь переключила главное внимание Кремля на запад, но созданный в 1930-е годы на Дальнем Востоке оборонительный потенциал, а также чувствительные поражения, которые советские войска нанесли японской армии в боях у озера Хасан в 1938 г. и реки Халхин-Гол (Монголия) в 1939 г., помогли удержать Японию от развязывания войны против СССР.

Советско-китайское противостояние: 1966—1975 гг.

Следующий период усиленного внимания Центра к региону приходится на время «культурной революции» и расцвета антисоветизма в Китае, а также войны во Вьетнаме. Антисоветская риторика Пекина и обострение обстановки на советско-китайской границе заставили руководство СССР обратить пристальное внимание на Дальний Восток. Весной 1967 г. Кремль вернулся к идее строительства БАМа. Преобладающими при этом были военно-политические соображения, перед которыми экономическая целесообразность проекта отступила на задний план. Строительство было начато в 1974 г. В июле 1967 и мае 1972 г. были приняты два постановления ЦК КПСС и Совета министров СССР по комплексному развитию Дальнего Востока. Существенно увеличились размеры капиталовложений в регион³⁰.

Москва реанимировала идею «демографического укрепления» пограничной с КНР полосы, для чего было принято решение переселить в 1967—1970 гг. «в добровольном порядке в колхозы и совхозы Хабаровского и Приморского краев, Амурской и Читинской областей 23,9 тыс. семей»³¹. В 1972 г. в южных районах Дальнего Востока и Восточной Сибири были введены «северные надбавки»³², также призванные закрепить население на пограничных с Китаем территориях. В результате в это десятилетие миграционный прирост на Дальнем Востоке оказался самым высоким за всю послевоенную историю — 1,4 млн человек³³.

Существенно укрепился военный потенциал региона. С мая 1969 г. на всем протяжении советско-китайской границы развернулось строительство укрепленных районов. Группировка пограничных войск на границе с Китаем выросла с 10,3 тыс. чел. в 1965 г. до 51,3 тыс. в 1970 г.³⁴ Группировка Сухопутных войск увеличилась с примерно 15 дивизий в середине 1960-х годов до более 60 дивизий в начале 1980-х. В регионе были размещены ракеты SS-20³⁵. Тихоокеанский флот «превратился из «флотилии береговой обороны» с численным составом в 50 000 человек в крупнейший и наиболее мощный компонент ВМФ СССР, имевший 800 кораблей и 150 000 моряков и действовавший на всем пространстве от Мадагаскара до Калифорнии»³⁶.

Завершение в 1975 г. вьетнамской войны, смерть в 1976 г. Мао Цзэдуна и смена власти в КНР, нормализация советско-китайских отношений серьезно ослабили напряженность на восточной границе СССР. В то же время обострились отношения Кремля с США и Западной Европой. Уже со второй половины 1970-х годов интерес советского руководства к Дальнему Востоку заметно упал. В последующие три десятилетия руководство СССР, а затем Российской Фе-

дерации не оставляло Дальний Восток без внимания, но преимущественно на словах. Москве было явно не до этих далеких территорий. Программы развития региона (на 1986—2000 гг. и 1996—2005 гг.) в значительной степени оставались на бумаге, а в 1990-е годы Дальний Восток был практически брошен на произвол судьбы и выживал за счет собственных сил и ресурсов.

Повторение пройденного или принципиально новое решение? 2006—20(??) гг.

Судя по целому ряду факторов, нынешнее повышенное внимание Кремля к Дальнему Востоку — явление несколько иного порядка, чем в описанных выше случаях. Если тогда Центр был озабочен приращением или защитой территории государства, то сегодня вопрос стоит о его будущем.

Начиная с выступления генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева во Владивостоке в 1986 г. и вплоть до сегодняшнего дня основополагающей целью развития восточных районов страны Кремль объявляет интеграцию России в Азиатско-Тихоокеанский регион. Тем не менее долгое время решения, направленные на достижение поставленной цели, оставались декларациями о намерениях. Очевидно, что российские бюрократия, бизнес и общество не были готовы в очередной раз увлечься далеким Востоком в ущерб близкому и понятному Западу. Поиск иных, более действенных рычагов заставил Кремль вспомнить подзабытое старое — фактор внешней угрозы.

Тема возможного отторжения Дальнего Востока от России начала обсуждаться вскоре после распада СССР. Главную угрозу — «коварные замыслы Пекина» — определили сразу³⁷. Но уже в первой половине 1990-х годов эксперты также заговорили об опасных последствиях экономической деградации и инфраструктурной оторванности региона от европейской части страны, причем опасности не только для самого Дальнего Востока, но и для всего государства. К концу этого десятилетия «стало ясно, что Сибирь и Дальний Восток — не только “могущество”, но и сама судьба России», что от векторов и результатов их развития «станет все в большей мере зависеть внутренняя и внешняя, экономическая и оборонная политика всего государства»³⁸. Мысль об огромной геополитической значимости Дальнего Востока для России и угрозе его отторжения начала постепенно утверждаться в сознании политической элиты страны.

В июле 2000 г. президент Путин заявил об угрозе «существованию региона как неотрывной части России»³⁹, а в августе 2002 г. произнес, наверное, ключевую для всех последующих событий фразу об «огромном стратегическом значении» региона для всей страны⁴⁰.

И уже в ноябре того же года Совет безопасности России обсуждал вопросы обеспечения национальной безопасности в Дальневосточном федеральном округе. Выступая на заседании, президент обозначил причины такого внимания к региону: существующие на Дальнем Востоке «серьезные демографические, инфраструктурные, миграционные, экологические проблемы», «разбалансированность в его экономике» и «напряжение в социальной сфере... ограничивают возможности России по успешной интеграции в Азиатско-Тихоокеанский регион»⁴¹.

Таким образом, интеграционный ресурс Тихоокеанской России, а не обеспокоенность Центра территориальной целостностью страны или судьбой дальневосточников стал ключевым фактором для принятия кардинальных решений по развитию Дальнего Востока. А декларации об угрозе безопасности и пребыванию Дальнего Востока в составе российского государства были аргументами, использовавшимися для того, чтобы переориентировать на регион силы и средства государства. Потребовалось, однако, еще несколько лет, в течение которых российское руководство «дозревало» до решительных шагов и подспудно готовило политическое и бизнес-сообщество страны к «восточному повороту». Этому дозреванию способствовали восстановление у правящей элиты чувства уверенности, утерянного в первое десятилетие после развала СССР, осознание ею важности поднимающейся Азии и ускоренного отставания страны от Китая, наконец, формирование представления о России как «энергетической державе, незаменимой для мировой экономики»⁴² и способной эффективно действовать на азиатских рынках.

Как уже отмечалось, тезис об угрозе безопасности страны громко прозвучал на заседании Совета безопасности России в декабре 2006 г. и предварял решение об ускоренном развитии Дальнего Востока. И хотя некоторые политики в столице вновь заговорили о «геополитическом удержании» Дальнего Востока⁴³, политологи — об угрозах хозяйственного и культурного освоения территории «другими международно-правовыми субъектами»⁴⁴, Интернет в очередной раз наполнился рассуждениями о нарастающей демографической и грядущей военной экспансии Китая, главные усилия государства были все же направлены не на укрепление границ, модернизацию обороны Тихоокеанской России, а на создание на ее территории экономической и инфраструктурной платформы, призванной обеспечить интеграцию страны в экономику АТР.

Начиная с выступления генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева во Владивостоке в 1986 г. и вплоть до сегодняшнего дня основополагающей целью развития восточных районов страны Кремль объявляет интеграцию России в Азиатско-Тихоокеанский регион.

В августе 2007 г. правительство утвердило новый вариант программы «Развитие Дальнего Востока и Забайкалья до 2013 года», а через год дополнило ее подпрограммой «Развития г. Владивостока как центра международного сотрудничества в АТР»⁴⁵. Как заметил по этому поводу профессор Принстонского университета Г. Розман, «один из уголков российского Дальнего Востока должен был стать площадкой для экономического роста, чтобы способствовать осязаемости присутствия России»⁴⁶. Финансирование этой подпрограммы, в отличие от большинства предшествовавших программ, не только аккуратно выполнялось, но и было увеличено, прежде всего за счет привлечения внебюджетных средств⁴⁷. В декабре 2009 г. правительство утвердило «Стратегию социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года», одной из главных целей которой значится «реальное противодействие потенциальной угрозе безопасности страны на Дальнем Востоке и в Байкальском регионе»⁴⁸.

К концу 2000-х годов эксперты обсуждали, как долго продлится увлечение руководства России Востоком, тем более что тогдашний президент Д. А. Медведев проявлял куда больший интерес к США и Европе, чем к Азии. Однако события начала второго десятилетия XXI в., похоже, только укрепили решимость российского руководства и далее «продвигать» Россию в сторону Тихого океана. Затяжной экономический кризис в Европе, резкое обострение отношений между государствами Восточной Азии, события на Корейском полуострове, «возвращение США в Тихоокеанскую Азию» — все это оказалось очень весомыми аргументами, чтобы вновь заговорить об угрозах интересам России в АТР и предпринять шаги для их устранения.

В ноябре 2012 г. на заседании Президиума Госсовета В. В. Путин вновь декларировал экономический подход к обеспечению безопасности региона, высказался о необходимости его ускоренного, устойчивого развития, «с тем чтобы и сами эти территории развивались эффективно, и чтобы они стали важнейшим фактором процветания и роста могущества России в целом»⁴⁹. 12 декабря 2012 г. в послании Федеральному собранию он еще раз подтвердил, что вектор развития России в XXI в. — «это развитие на восток», а использование колоссального потенциала Сибири и Дальнего Востока — это «возможность занять достойное место в Азиатско-Тихоокеанском регионе»⁵⁰.

Эволюция угроз: восприятие, идентификация и средства борьбы

Совершенно очевидно, что с самого момента вхождения в состав Российской империи Дальний Восток являлся слабым звеном в системе обороноспособности государства, и проблема его уязвимости, а значит, защиты и сохранения дамокловым мечом висела над руководством страны. Однако активизировалось оно только тогда, когда приходило к выводу о наличии угрозы потери этой территории.

Угроза территориальных потерь служили для власти главным аргументом при обосновании экстренных действий на Дальнем Востоке в середине и конце XIX в., в 30-х и на рубеже 60-х и 70-х годов XX в. Исключение составляет лишь последний период, когда в качестве главной угрозы предлагается неучастие России в экономических и интеграционных процессах в АТР. Хотя, опять же, стремление «не отстать от держав», бывшее локомотивом российской политики в конце XIX в., и сегодня откровенно просвечивает сквозь высокие рассуждения об интеграции.

Примечательно, что центральная власть вяло реагировала на сюжет о «желтой угрозе», который дальневосточные политики и общественность пытались использовать для давления на столицу в начале XX в., а также на рубеже XX и XXI вв., побуждая ее принять меры для ограничения «азиатского присутствия». Этот фактор учитывался при сочинении различных проектов миграционной политики в регионе, в основе которых лежали идеи сдерживания «китайской демографической экспансии» и стимулирования притока в регион россиян, но не более того.

А вот идея сибирского и дальневосточного сепаратизма, порожаемого влиянием на эти регионы извне, издавна служит для Центра «страшилкой», усиливающей воздействие фактора внешней угрозы. В 1840-х годах в Петербурге считали вполне реальной опасность сибирского сепаратизма. Существовало опасение, что, попав под влияние «инородцев» и иностранцев, русские люди поддадутся чужому влиянию, утратят чувство верноподданности⁵¹. Дальневосточная «особость» откровенно раздражала Кремль в советское время. О сепаратизме вновь заговорили в начале 1990-х годов и не успокаиваются до сих пор. Столичные политики совершенно серьезно обсуждают возможность экономического, а затем и политического дрейфа этих территорий в сторону зарубежной Азии, высказывают опасения, что «ускоренное развитие Дальнего Востока даже по сравнению с соседней Сибирью может привести к росту и без того серьезной автономии этой территории по отношению к европейской части России»⁵². Сильнейшая экономическая зависимость

Тихоокеанской России от Китая, Японии и Южной Кореи сама по себе заставляет размышлять об этом факторе.

Идентификация угроз сопровождалась выработкой мер по борьбе с ними, которые облекались в различные программы и проекты. Первые из них появились в царское время, когда колонизация и развитие этой территории рассматривались «исключительно как стратегическая операция»⁵³. В 1861 г. были утверждены «Правила для поселения русских и иностранцев в Амурской и Приморской областях Восточной Сибири», которые объявили эти территории открытыми для заселения «крестьянами, не имеющими земли, и предприимчивыми людьми всех сословий, желающими переселиться за свой счет»⁵⁴. Однако желающих оказалось немного, а в 1863 г. правительство прекратило оказывать поддержку крестьянам, намеренным перебраться в этот далекий край. В 1909 г. был создан Комитет по заселению Дальнего Востока во главе с премьер-министром П. А. Столыпиным. Однако результаты здесь были меньше по сравнению с Сибирью⁵⁵.

**Одной из главных причин уязвимости
дальневосточных территорий
России была их инфраструктурная
оторванность от метрополии.**

Программы советской эпохи (постановления ЦК КПСС и Совмина СССР по развитию Дальнего Востока 1930, 1967 и 1972 гг.) по сути мало различались между собой. По заключению экономистов, они «не имели ничего общего с экономическими приоритетами», решали исключительно военно-политические задачи, причем сугубо командными методами⁵⁶. Политика советского государства всегда была нацелена не на развитие региона как такового, а на укрепление его оборо-

носпособности и той части его экономического и человеческого потенциала, которая обеспечивала эту обороноспособность, будь то укрепляющие на советско-китайской границе, предприятия военно-промышленного комплекса или «демографический пояс» вдоль линии границы. Эффективность выполнения этих программ напрямую зависела от глубины и силы угроз, с которыми сталкивалось государство⁵⁷.

Закономерно возникает стремление оценить в этом историческом контексте качество современного регионального проектирования — федеральную целевую программу «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на период до 2013 года». Тот факт, что на ноябрь 2012 г. она была реализована только на 28%⁵⁸, ставит вопрос о серьезности намерений Центра в отношении развития региона. С моей точки зрения, это означает, что, с одной стороны, Москва не воспринимает угрозу потери Дальнего Востока всерьез, с другой — речь идет о смене ее приоритетов в пользу инте-

грационной модели развития региона, призванного выполнять роль плацдарма для российского внедрения в АТР. В таком случае не удивительно, что подпрограмма подготовки Владивостока к Саммиту АТЭС была профинансирована к сентябрю 2012 г. на 99,1%⁵⁹.

Нельзя не упомянуть и еще один важный фактор, работавший даже тогда, когда высшее руководство страны само бралось за проблемы Дальнего Востока. Это сопротивление столичной бюрократии, по разным причинам не имевшей личного интереса в реализации «восточных проектов» России и разными путями пытавшейся саботировать принятые решения. Как заметил по этому поводу профессор Военного колледжа Сухопутных войск США Стивен Бланк, «власть Путина неоспорима, но чиновники либо не в состоянии эффективно реализовать его решения, либо постоянно саботируют их — и то и другое уже много раз происходило в истории России»⁶⁰. Можно вспомнить, что в то время как генерал-губернатор Муравьев бился за обретение Амура, «в столице... редкий департамент не вооружен против настоящего управления Восточной Сибирью», а военный министр при Николае I князь А. И. Чернышев обратился к императору с предложением учредить комитет для обсуждения вопроса о возможности отложения Сибири от России⁶¹.

Средствами борьбы с внешними угрозами становились военное и оборонительное строительство (укрепление границы, строительство вооруженных сил, развитие военной промышленности), создание транспортной инфраструктуры оборонительного значения, заселение региона русскими. На разных этапах эти вопросы решались с различной степенью интенсивности, видимо, в зависимости от глубины угроз, с одной стороны, и возможностей государства — с другой. Наиболее интенсивно оборонительное строительство вдоль границы с Китаем велось в 1930-х и 1970-х годах, в то время как в 1850-х и 1890-х годах ограничивались лишь некоторыми мерами по охране границы, прежде всего размещением вдоль нее казачьих станиц и поселков.

Одной из главных причин уязвимости дальневосточных территорий России была их инфраструктурная оторванность от метрополии. Закономерно, что каждое обострение обстановки на восточных рубежах влекло за собой попытки Центра решить эту проблему. Первой из них стало овладение Амуром, второй — строительство «Великой Сибирской железной магистрали», а затем Китайско-Восточной железной дороги. Оба грандиозных проекта представлялись миру как коммерческие предприятия, хотя имели для России прежде всего стратегическое значение. Аналогичную роль играло строительство БАМа (1930-е и 1970-е годы). Но поскольку циклы активности Центра на востоке были достаточно коротки,

проблема слабой привязанности региона «к общероссийскому экономическому, информационному, транспортному пространству»⁶² не решена по сей день и по-прежнему рассматривается как угроза национальной безопасности.

Важным условием обеспечения безопасности Дальнего Востока изначально считалось преобладание в нем славянского населения. Первые шаги в этом направлении были сделаны еще в 1854 г., за несколько лет до официального присоединения Приамурья к России, когда Александр II санкционировал заселение левобережья Амура русскими. Весной-летом 1855 г. там было основано несколько русских селений. На рубеже XIX и XX вв. поток русских шел в зону КВЖД, Дальний и Порт-Артур, в 1930-х и 1970-х годах — в советско-китайское приграничье. Не отступает от этой традиции и нынешнее российское руководство. В начале 2006 г. правительство включило южные районы Дальнего Востока в «Программу содействия добровольному переселению в Россию соотечественников, проживающих за рубежом». В марте 2006 г. полпред президента на Дальнем Востоке К. Исхаков сделал сенсационное заявление о планах переселить на Дальний Восток 18 млн человек⁶³. И расселить их он предполагал прежде всего вдоль российско-китайской границы⁶⁴.

Заключение

Наше исследование показывает, что в последние полтора столетия обращение России к Тихому океану было обусловлено двумя факторами: стремлением властей активно участвовать в тихоокеанской политике и интегрироваться в экономическую систему региона, с одной стороны, и их опасением потерять свои тихоокеанские владения — с другой. В обоих случаях внешний фактор играл решающую роль. Желание «не отстать от держав» подстегивало экспансионистские устремления Петербурга в середине и конце XIX в., как и «интеграционные мотивы» Москвы начала XXI столетия, а угроза дальневосточным территориям, неоднократно возникавшая с 1850-х до 1970-х годов, влекла за собой принятие экстренных мер по укреплению обороноспособности региона (в самом широком смысле этого слова) и активизации политики России в Восточной Азии.

Именно стратегическая значимость и громадное пространство Дальнего Востока определяли содержание и суть российской политики в отношении региона. Стратегические и военно-политические интересы заставляли Центр предпринимать шаги по его колонизации. Основными средствами при этом являлись переселенческая по-

литика, создание транспортной инфраструктуры, оборонительное строительство, инвестиции в промышленность (преимущественно военного профиля). Главной целью этой колониальной по сути политики всегда были не судьбы и интересы людей, проживавших на востоке, а закрепление и упрочение позиций государства на берегах Тихого океана, обеспечение его безопасности и территориальной целостности. Именно такой логикой руководствовались и царское правительство, и советская власть, именно ей следует современное руководство России. Население в этой конструкции служит стратегическим ресурсом, необходимым для выполнения военных, политических и экономических задач. В этом как раз и заключается коренное противоречие, уже длительное время препятствующее эффективному освоению региона, а именно противоречие между интересами государства, ставящего и решающего геополитические и стратегические задачи, и интересами жителей Дальнего Востока, которые в большинстве своем хотят лучшей и более комфортной жизни.

Безусловно, неправильно было бы полностью отождествлять меры и политику государства в отношении Дальнего Востока в столь разные, непохожие и противоречивые периоды истории России. Каждому витку обращения Центра к Востоку присущи особенности, обусловленные уровнем и характером развития государства, его политической системы, состоянием мировой и тихоокеанской политики. Но общий тренд очевиден: отношение имперского, советского, а ныне федерального Центра к Дальнему Востоку как к колонии, призванной обеспечивать интересы, развитие и стабильность метрополии, определило политику выделения на нужды этой колонии минимального количества средств, достаточного для поддержания ее существования. И только возникновение критической ситуации, угрожавшей потерей этой территории в результате «происков извне», заставляло столицу предпринимать пожарные меры для ее укрепления и необходимого для этого экономического развития. После исчезновения явной угрозы интерес Центра к региону моментально снижался.

Так происходит и сегодня. Экономический, политический и военный подъем Китая в конце XX — начале XXI в. стал главным раздражителем, в очередной раз приведшим российских политиков, военных и рядовых граждан к мысли об угрозе российским владениям на востоке. Так что заявления президента Путина об угрозе территориальной целостности России упали на благодатную поч-

---

Противоречие между интересами государства, ставящего и решающего геополитические и стратегические задачи, и интересами жителей Дальнего Востока, которые в большинстве своем хотят лучшей и более комфортной жизни, уже длительное время препятствует эффективному освоению региона.

ву. Напрашивается вывод, что они делались не исходя из реальной оценки ситуации, а как раз в рамках сложившейся традиции, предполагающей обязательное наличие импульса внешней угрозы для обоснования кардинальных решений. С другой стороны, фактор внешней угрозы необходим для утверждения той черты внешней политики Путина, которую австралийский дипломат и исследователь Б. Ло назвал «секьюритизацией»⁶⁵. Все сходится в одной точке.

На сегодня меры, предпринимаемые Центром для изменения негативной динамики развития Тихоокеанской России, заметных результатов не принесли. Отток населения из региона продолжается. Его отставание от Китая растет, как и зависимость от внешнего мира. При этом, если отталкиваться от исторических прецедентов, цикл должен закончиться к 2015 г. Если только не рухнет по чьему-либо недомыслию стратегическое партнерство с Китаем и Москве не придется вновь срочно изыскивать огромные ресурсы на укрепление российско-китайской границы. Но скорее всего Россия удовлетворится полупризнанием в качестве азиатско-тихоокеанской державы, увеличит энергопоставки на восток и вновь обратится к европейским делам. А Тихоокеанская Россия по-прежнему останется стратегическим ресурсом государства, будет находиться на положении «Золушки» российской внутренней политики и осваиваться колониальными методами. До следующего цикла. Превращение Дальнего Востока в реальную платформу для экономической интеграции России в АТР возможно только при условии принципиального изменения отношения Центра к региону и восприятия его как полноценной части евразийского экономического и политического пространства.

Примечания

- 1 Н. Симония сразу назвал это «новой эрой» в отношениях между Россией и странами СВА и «началом серьезного, систематического комплексного развития... Восточной Сибири и Дальневосточного региона в целом» (*Simonia N. Russia in the Asia-Pacific: The Beginning of a New Era? // Asia-Pacific Rev.* — 2006. — Vol. 13. — № 1. — P. 27).
- 2 *Rozman G. Northeast Asia's Stunted Regionalism: Bilateral Distrust in the Shadow of Globalization.* — Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2004. — P. 328—329.
- 3 Выступление Министра иностранных дел России С. В. Лаврова на совещании «Восток России и интеграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе: вызовы и возможности». Москва, 3 июля 2009 года // http://www.mid.ru/brp_4.nsf/2fee282eb6df40e643256999005e6e8c/12618fed035301f8c32575e8003ebd1a?OpenDocument.
- 4 Концепция внешней политики Российской Федерации (2008 г.) // <http://www.kremlin.ru/text/docs/2008/07/204108.shtml#>.
- 5 黄登靴。中俄战略协作伙伴关系析论 (Хуан Дэньсюэ. Анализ китайско-российских отношений стратегического партнерства) // 东北亚论坛. — 2008. — № 2. — С. 38.
- 6 См.: 郭力。俄罗斯东北亚战略评析 (Го Ли. Анализ стратегии России в Северо-Восточной Азии) // 俄罗斯中亚东欧研究. — 2006. — № 3. — С. 52; *Hakamada Sh. Resurgence of Major-power Ambitions and Changes in Russia's Foreign Policy // Russia's Shift toward Asia / Ed. by Hiroshi Kimyra.* — Tokyo: The Sasakawa Peace Foundation, 2007. — P. 11; Blind-sided in Asia. Russia does not exactly soar in its Asian backyard // *The Economist.* — 2009. — July 11. — P. 55.
- 7 Russia: 'Eastern shift' is more rhetorical than real // *Oxford Analytica.* — 2010. — Mar. 25. — P. 4.
- 8 *Sakwa R. 'New Cold War' or twenty years' crisis? Russia and international politics // Intern. Affairs.* — 2008. — № 2. — P. 246.
- 9 Вступительное слово на заседании Совета Безопасности. 20 декабря 2006 г. // http://archive.kremlin.ru/appears/2006/12/20/1548_type63374type63378type82634_115648.shtml.
- 10 С Китаем — Айгунский и Тяньцзиньский 1858 г. и Пекинский 1860 г., с Японией — Симодский трактат 1855 г.
- 11 *Арбатов А. Национальная идея и национальная безопасность // Внешняя политика и безопасность современной России: Хрестоматия.* — Т. 1. — Кн. 1. — М., 1999. — С. 203.

- 12 Немаловажное значение в этом играли огромные даже по современным масштабам расстояния. Разница во времени между Москвой и Петропавловском-Камчатским составляет сегодня восемь часов, а беспосадочный перелет от Москвы до Владивостока — девять часов.
- 13 А. В. Ремнев выделил пять пиков этой политики в XIX—XX вв. продолжительностью от 3 до 15 лет (*Ремнев А. В.* Россия Дальнего Востока: Имперская география власти XIX — начала XX в. — Омск: Изд-во Омского ун-та, 2004. — С. 522), А. Е. Савченко попытался выявить фундаментальные факторы, определяющие суть и характер этой политики (*Савченко А. Е.* Циклы дальневосточной политики Центра: к поиску порождающих факторов // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. — 2012. — № 3. — С. 22—28).
- 14 *Минакир П. А.* О концепции долгосрочного развития экономики макрорегиона: Дальний Восток // Пространств. экономика. — 2012. — № 1. — С. 7—28.
- 15 *Hill F., Gaddy C.* The Siberian Curse. How Communist Planners Left Russia out in the Cold. — Washington D.C.: Brookings Institution Press, 2003. — P. 8.
- 16 *Барсуков И.* Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский: Репринтное издание по изданию 1891 г. — Хабаровск: Приамур. геогр. о-во, 1999. — С. 205.
- 17 Там же. — С. 192.
- 18 *Сладковский М. И.* История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). — М.: Наука, 1974. — С. 221—222.
- 19 Вскоре после окончания войны, в 1856 г., «...торговец из Сан-Франциско по имени Бернард Пейтон приехал в Иркутск, чтобы просить генерал-губернатора Муравьева предоставить американцам монопольное право на торговлю в Приамурье. Другой калифорниец — Перри Макдоноу Коллинз — пытался убедить Муравьева позволить американцам “взять в свои руки российско-китайскую торговлю, российские морские перевозки на Тихом океане, построить железную дорогу от Байкала до Амура и участвовать в освоении Приамурья”» (*Stephan J. J.* The Russian Far East: A History. — Stanford: Stanford California Press, 1994. — P. 82).
- 20 Из всеподданнейшей записки генерал-адъютанта А. Н. Куропаткина о целесообразности занятия Россией Северной Маньчжурии // Русско-японская война 1904—1905 гг. в документах внешнеполитического ведомства России: факты и комментарии. — М.: ИДЭЛ, 2006. — С. 68.
- 21 Проект такой дороги был представлен генералом Е. В. Богдановичем еще в 1860-е годы, но поскольку в то время проект носил чисто коммерческий характер, а острой экономической потребности в нем не существовало, он был отложен на долгих три десятилетия (*Лукоянов И. В.* «Не отстать от держав...»: Россия на Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX вв. — СПб.: Нестор-История, 2008. — С. 68).
- 22 *Витте С. Ю.* Воспоминания: Царствование Николая II. — Т. 2. — Берлин: Слово, 1922. — С. 122.
- 23 Дальний Восток России в период революций 1917 года и Гражданской войны. — Владивосток: Дальнаука, 2003. — С. 62.
- 24 Для сравнения: строительство КВЖД обошлось России в 441 млн руб., за 1903—1914 гг. царское правительство только на покрытие «дефицита»

КВЖД выделило еще 178,6 млн руб. Сооружение Дальнего и Порт-Артура обошлось казне в 40 млн руб. (См.: *Сладковский М. И.* Указ. соч. — С. 333).

- 25 *Кутаков Л. Н.* Россия и Япония. — М.: Наука, 1988. — С. 277.
- 26 *Зайцев Ю. М.* Инфраструктура Тихоокеанского флота в системе морской обороны дальневосточных рубежей СССР (1932—1941 гг.). — Владивосток: ТОВМИ им. С. О. Макарова, 2003. — С. 97—98.
- 27 *Песков В. М.* Военная политика на Дальнем Востоке в 30-е годы XX в. — Хабаровск: Изд-во ХГПУ, 2000. — С. 107, 150—151.
- 28 См.: *Сталин И. В.* Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б) // http://www.hrono.ru/dokum/1934vkrp17/1_2_1.php.
- 29 Миграции населения Азиатской России: конец XIX — начало XXI вв. — Новосибирск: Параллель, 2011. — С. 128—132.
- 30 Если в 1965—1970 гг. сюда было направлено 14,8 млрд руб., то в 1971—1975 гг. — 21,5, а в 1976—1980 гг. — 29 млрд. В результате ежегодно треть государственных вложений шла на развитие Сибири и Дальнего Востока (*Ващук А. С.* Социальная политика в СССР и ее реализация на Дальнем Востоке (середина 40—80-х годов XX в.). — Владивосток: Дальнаука, 1998. — С. 155).
- 31 Постановление Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию производительных сил Дальневосточного экономического района и Читинской области» от 8 июля 1967 г. № 638 (<http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=21689>).
- 32 Постановление ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС от 6 апреля 1972 г. № 255.
- 33 Миграции населения Азиатской России: конец XIX — начало XXI вв. — Новосибирск: Параллель, 2011. — С. 232—236.
- 34 Охрана границ Советского государства (1917—1991 гг.) // <http://ps.fsb.ru/history/general/text.htm?id%3D10320628@fsbArticle.html>.
- 35 *Odom W. E.* Trial After Triumph: East Asia After the Cold War. — Indianapolis: Hudson Inst., 1992. — P. 8.
- 36 *Stephan J. J.* Op. cit. — P. 265.
- 37 Подробнее см.: *Ларин В. А.* Российско-китайские отношения в региональных измерениях (80-е годы XX — начало XXI в.). — М.: Восток-Запад, 2005. — С. 320—331.
- 38 Стратегия для России: Новое освоение Сибири и Дальнего Востока / Совет по внешней и оборонной политике. — М., 2001. — С. 16 (http://www.svor.ru/public/docs_2001_9_17_1351070795.pdf).
- 39 *Путин В. В.* Вступительное слово на совещании «О перспективах развития Дальнего Востока и Забайкалья». Благовещенск. 21 июля 2000 г. // http://archive.kremlin.ru/appears/2000/07/21/0000_type63374type63378_28796.shtml.
- 40 Стенографический отчет о совещании по проблемам социально-экономического развития Дальневосточного федерального округа // http://archive.kremlin.ru/appears/2002/08/23/1620_type63378type63381_29304.shtml.

- 41 *Путин В. В.* Вступительное слово на заседании Совета Безопасности по вопросам обеспечения национальной безопасности на Дальнем Востоке. 27 ноября 2002 г. // http://archive.kremlin.ru/appears/2002/11/27/0003_type63374type63378_29588.shtml.
- 42 *Trenin D.* Russia's Asia Policy under Vladimir Putin, 2000—2005 // *Russian Strategic Thought toward Asia* / Ed. by G. Rozman, K. Togo and J. P. Ferguson. — New York: Palgrave Macmillan, 2006. — P. 127—129.
- 43 Дальневосточный регион в социально-политическом пространстве России: проблемы и пути их решения: Сб. материалов. — М.: Изд. Совета Федерации. 2008. — С. 23.
- 44 *Виноградов А. В.* Россия в АТР: новые цели и задачи // *Россия в АТР: проблемы безопасности и сотрудничества*: Сб. материалов. — М.: РИСИ, 2011. — С. 6.
- 45 Распоряжение Правительства РФ от 6 августа 2008 г. № 1128-р // <http://www.government.ru/content/governmentactivity/rfgovernmentdecisions/archive/2008/08/06/3507349.htm>.
- 46 *Rozman G.* Strategic Thinking About the Russian Far East: A Resurgent Russia Eyes Its Future in Northeast Asia // *Problems of Post-Communism*. — 2008. — Jan./Febr. — P. 47.
- 47 К лету 2012 г. стоимость подпрограммы по Владивостоку была увеличена в 4,6 раза, до 679,3 млрд руб., при этом на долю федерального бюджета пришлось 32,3% (219,3 млрд руб.) (<http://www.ach.gov.ru/ru/news/archive/04072012/>).
- 48 Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года // <http://government.ru/gov/results/9049>.
- 49 Заседание президиума Госсовета. 29 ноября 2012 года // <http://www.kremlin.ru/news/16990>.
- 50 Послание Президента Федеральному Собранию. 12 декабря 2012 года // <http://kremlin.ru/transcripts/17118>.
- 51 *Тураев В. А.* Дальний Восток России в оценке современников (конец XIX — начало XX в.) // *Россия на Тихом океане: роль личности в становлении Российской государственности и проблемы безопасности* (Шестые Крушановские чтения, 2009). — Владивосток: Дальнаука, 2011. — С. 32—33.
- 52 http://www.vneshmarket.ru/content/document_r_FBB6ABB6-51C9-4ACB-8D76-ED3E6EE01C18.html.
- 53 *Целищев М. И.* Дальневосточная область среди тихоокеанских стран // *Для пользы и процветания: из истории внешнеэкономических связей Российского Дальнего Востока со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. 1856—1925 гг.: Документы и материалы*. — Владивосток: Дальнаука, 2012. — С. 517. М. И. Целищев — председатель Дальплана.
- 54 *История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма* (XVII в. — февраль 1917 г.). — М.: Наука, 1991. — С. 231.
- 55 Население Дальнего Востока увеличилось с 1906 по 1914 гг. вдвое (с 482 до 968 тыс. человек), а механический прирост составил за это время 175 тыс.

человек (*Кабузан В. М.* Дальневосточный край в XVII — начале XX вв. (1640—1917): Историко-демографический очерк. — М.: Наука, 1985. — С. 152—153). Однако в Сибирь за этот же период переселились около 2,2 млн человек, из которых на постоянное жительство остались 2 млн (Миграции населения Азиатской России: конец XIX — начало XXI вв. — Новосибирск: Параллель, 2011. — С. 21—23). Население соседней Маньчжурии в 2010 г. составило 18 млн человек и далее росло в среднем на 382 тыс. в год (История Северо-Восточного Китая XVII—XX вв. — Кн. 1: Маньчжурия в эпоху феодализма (XVII — начало XX в.). — Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1987. — С. 269—270).

- 56 *Минакир П. А., Прокапало О. М.* Региональная экономическая динамика: Дальний Восток. — Хабаровск: ДВО РАН, 2010. — С. 75.
- 57 Если постановление ВЦИК и ЦК ВКП(б) 1930 г. в его инвестиционной части было выполнено на 130%, постановление ЦК КПСС и Совмина СССР 1967 г. — на 80%, а 1972 г. — на 65%, то последующие программы развития Дальнего Востока (Государственная целевая программа на 1986—2000 гг. и Президентская программа на 1996—2005 гг.), когда об угрозах безопасности региона речь не велась, — всего лишь на 30% и 10% соответственно (О социально-экономическом развитии Дальнего Востока и Забайкалья: Доклад губернатора Хабаровского края В. И. Ишаева Президенту Российской Федерации В. В. Путину в г. Владивостоке // <http://gov.khabkrai.ru/Invest2.nsf/NewsRus/68c369e753d4c89aca256c22002c1cbb>).
- 58 Заседание президиума Госсовета. 29 ноября 2012 года // <http://www.kremlin.ru/news/16990>.
- 59 Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации. — 2012. — № 12 (180) (http://www.budgetrf.ru/Publications/Schpalata/2012/ACH201212201441/ACH201212201441_p_005.htm).
- 60 *Blank S.* What is Russia for Asia? // *Orbis*. — 2003. — Fall. — P. 577.
- 61 *Барсуков И.* Указ. соч. — С. 204.
- 62 Вступительное слово на заседании Совета Безопасности. 20 декабря 2006 г. // http://archive.kremlin.ru/appears/2006/12/20/1548_type63374type63378type82634_115648.shtml.
- 63 *Жунусов О.* 18 миллионов человек отправят на Дальний Восток // *Известия*. — 2006. — 22 марта.
- 64 *Камиль Исаков:* «Нужно сделать Дальний Восток привлекательным» // <http://www.dfo.ru/info/interview/10.htm>.
- 65 *Lo B.* The Securitization of Russian Foreign Policy under Putin // *Russia between East and West: Russian Foreign Policy on the Threshold of the Twenty-First Century* / Ed. by G. Gorodetsky. — London, Portland: Frank Cass, 2003. — P. 12—27. Секьюритизация в понимании Б. Ло — это «преобладание военно-политических приоритетов над экономическими».

Об авторе

Виктор Ларин — доктор исторических наук, профессор. С 1991 г. работает директором Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской Академии наук. С 1974 по 1991 гг. являлся преподавателем, а в 1986—1991 гг. также и деканом восточного факультета Дальневосточного государственного университета.

В. Ларин является почетным доктором Института России, Восточной Европы и Средней Азии (Пекин) Академии общественных наук КНР, а также почетным профессором Цзинаньского университета (КНР). Он неоднократно стажировался и выступал с лекциями в ведущих университетах и научных центрах Китая, США, Японии и других государств.

В. Ларин — член Президиума Дальневосточного отделения РАН, председатель Объединенного совета по гуманитарным наукам при Президиуме ДВО РАН. В. Ларин — главный редактор академического журнала «Россия и АТР», заместитель главного редактора журнала «Вестник ДВО РАН», член редколлегии ряда научных журналов, ответственный редактор информационно-справочного бюллетеня «У карты Тихого океана».

С 2010 г. он является председателем Приморского отделения Общества российско-китайской дружбы.

Автор 9 книг и более 180 других публикаций.

Московский Центр Карнеги

Московский Центр Карнеги, основанный в 1994 г. Фондом Карнеги за Международный Мир, — исследовательская организация, в рамках которой ведущие российские эксперты совместно с их международными коллегами и сотрудниками других центров Карнеги имеют возможность изучать коренные проблемы российской внутренней политики, экономики, международных отношений. Московский Центр Карнеги является своего рода форумом свободной дискуссии по ключевым аспектам современной общественно-политической жизни.

Фонд Карнеги за Международный Мир — негосударственная, некоммерческая организация, основная задача которой — содействовать развитию сотрудничества между странами и улучшению международных отношений. Основанный в 1910 г. Фонд Карнеги за Международный Мир на протяжении более ста лет своего существования занимается аналитической деятельностью, нацеленной на достижение практических результатов.

Фонд Карнеги за Международный Мир является первой глобальной научно-исследовательской организацией с отделениями в Китае, на Ближнем Востоке, в России, Европе, Соединенных Штатах Америки. Фонд Карнеги первым в мире воплотил в жизнь идею о том, что в современных условиях экспертно-аналитической организации, задачей которой является содействие глобальной безопасности, стабильности, процветанию, необходимо иметь постоянные отделения в других странах и использовать межнациональный подход в качестве основополагающего принципа своей деятельности. В сегодняшнем мире, где постоянно усиливаются взаимозависимость и взаимосвязанность глобальных проблем, роль такой организации особенно актуальна.

БЕЙРУТ   БРЮССЕЛЬ   ВАШИНГТОН   МОСКВА   ПЕКИН

ГЛОБАЛЬНАЯ
ЭКСПЕРТНО-АНАЛИТИЧЕСКАЯ
ОРГАНИЗАЦИЯ

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР
КАРНЕГИ

Carnegie.ru